ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

1982

МУРЗИЛКА

8

Серп и молот изображены на Флаге и на Гербе Советского Союза.

Слово «серп», хотя уже не жнут пшеницу серпом, как не пашут поле сохой, никогда из нашего языка не исчезнет. Потому что серп и ещё молот стали эмблемой союза рабочих и крестьян, знаком их вечной дружбы и общего дела на благо Советской Родины. Нет на свете орудия труда проще, чем молот. Но за все блага, которые окружают нас, мы благодарим в первую очередь именно молот. Но пусть всё будет у человека в изобилии, а не будет только одного — хлеба. Что тогда? Тогда человек не сможет жить. Поэтому самой первой вещью, которую сделал молот ещё в далёкие времена, был серп. Узкий и длинный кусок железа, раскалённый и размягчённый в огне, молот ковал, ковал и превратил в серп. Серп жал пшеницу и кормил людей.

А молот не успокаивался, ведь всю жизнь, как помнят себя люди, им нужен был хлеб. И молот сделал для работы в полях трактор, плуг, сеялку, комбайн и множество других машин, которые растят и собирают урожай.

Слава молоту — великому мастеру!

Слава серпу — кормильцу людей!

Ты, читатель, конечно, понимаешь, что ни молот, ни серп сами, без человека ничего делать не могли. Только в сказках вещи всё делают сами.

Серпами работали крестьяне. Молотами работали рабочие. Значит, вся похвала молоту — это похвала рабочим.

А похвала серпу — это похвала крестьянам.

Да здравствует союз серпа и молота, союз рабочих и крестьян!

РОДИНА

Г. ГРАУБИН

С Отчизной нашей, Родиной,
Живём одной судьбой.
За честь её прапрадеды
Не раз ходили в бой.

Кровь проливали прадеды,
И деды, и отцы.
Унизить нашу Родину
Не дали, храбрецы!

Мы с Родиной, с Отечеством
Живём одной судьбой.
Пока богата Родина —
Богаты мы с тобой.

У нашей милой Родины
Прекрасные черты.
Пока красива Родина —
Красивы я и ты!

Чтоб слышалась и в будущем
Родная наша речь,
Должны мы нашу Родину
Лелеять и беречь.

Стран на планете множество,
Она у нас одна —
Отчизна наша, Родина,
Советская страна.

Рис. Б. КЫШТЫМОВА

МОИМ ДРУЗЬЯМ — ЧИТАТЕЛЯМ «МУРЗИЛКИ»

Я рос в деревне среди музыкально одарённых людей. Родственники мои были лаутары — исполнители народных песен на народных инструментах. Наверно, эта музыка, которую я слышал в исполнении деревенских музыкантов, зазвучала сейчас во мне, музыка моего детства.

И вот однажды я напел свои мелодии композитору Юлии Цыбульской, потом композитору Тудору Кирияку. И они нашли их интересными.

Но как записать песню? Нот-то я не знаю. Тогда я спешил к моим друзьям — композиторам, напевая им то, что сочинил, а они записывали. По дороге, чтобы не забыть свою музыку, всё время её напевал и обходил знакомых, которых у меня в Кишинёве много: разговоришься с ними, а мотив потеряешь. Бывали и смешные случаи. Однажды, напевая новую песню, я ехал в троллейбусе и забыл купить билет. Контролёр меня оштрафовал. Но я продолжал петь. Тогда он удивился:

— Впервые вижу человека, который платит штраф и при этом поёт.

Мои песни о маме, о Родине, о праздниках стали печатать. Некоторые из них поют в детских садах, школах, исполняет детский хор радио и телевидения Молдавии, а совсем недавно сняли телефильм «Весёлая радуга» по моим песням.

Дорогие читатели «Мурзилки», где бы вы ни жили — в Москве, на Крайнем ли Севере, в горах Кавказа или на далёкой от Молдавии Камчатке,— всем вам дарю я свои песни.

Григоре ВИЕРУ

СОЛНЫШКО

— Солнышко, скажи скорей,
Сколько у тебя лучей!
— Сколько их, не знаю я,
Только хватит всем, друзья!

— Солнышко, скажи скорей,
Скольких греешь ты людей!
— Не считало я, друзья,
Всех, что обласкало я!

БАРАБАНЩИК

Moderato

Бью в барабан, бум-бум,
Как великан, бум-бум!
Салют друзьям, бум-бум!

Припев:
Зайка озорной,
Бум-бум,
Эй, пошли со мной,
Бум-бум,
Не охотник я, друг я твой.
Бум!

Не трусь, малыш, бум-бум.
Зачем дрожишь, бум-бум,
В кусты бежишь, бум-бум!

Припев.

УЛИТКА, ДРУЖОК

Allegro

Над равниной дождь прошёл,
Улитка, дружок,
Я в траве тебя нашёл,
Улитка, дружок,
Мелкий у тебя шажок.

Припев:
Улита-улитка,
Ходишь ты не прытко,
Не спеша гуляешь,
Рожки выставляешь.

Слушай, что я говорю,
Улитка, дружок,
Дом тебе я смастерю,
Улитка, дружок,
Домик светел и широк.

Припев.

Чтобы было где играть,
Улитка, дружок,
Если дождь пойдёт опять,
Улитка, дружок,
Вот что я хотел сказать.

МАЛЬЧИК ДОРУ

Moderato

Поднимался Дору
За цветами в гору,
Вдаль с горы глядел,
Потихоньку пел:
Ла, ла-ла-ла!

Ручеёк услышал
И навстречу вышел,
Вслух заговорил,
Песню повторил:
Ла, ла-ла-ла!

Звонкий дрозд услышал,
Поднялся повыше,
Взял под облака
Песню ручейка:
Ла, ла-ла-ла!

Рис. И. КАБАКОВА

Хлеб

Хлеб мой вкус-ный, хлеб кра-си-вый,
Го-во-рю те-бе спа-си-бо!
Луч-ше б ты не по-ле-нил-ся,
доб-рой паш-не по-кло-нил-ся! ра-ра-ра.

Мальчик:
— Хлеб мой вкусный, хлеб красивый,
Говорю тебе спасибо!
Хлеб:
— Лучше б ты не поленился,
Доброй пашне поклонился!
Все:
— Ра, ра-ра, ра-ра, ра-ра,
Ра, ра-ра, ра-ра, ра-ра!
Мальчик:
— Кланяюсь тебе я, пашня,
За горячий хлеб домашний!
Земля:
— Лучше б ты не поленился,
Солнцу в небе поклонился!
Все:
— Ра, ра-ра, ра-ра, ра-ра,
Ра, ра-ра, ра-ра, ра-ра!
Мальчик:
— Солнце, солнце в небе синем,
За горячий хлеб спасибо!
Солнце:
— Ты б, сынок, не поленился,
Дождику бы поклонился!
Все:
— Ра, ра-ра, ра-ра, ра-ра,
Ра, ра-ра, ра-ра, ра-ра!
Мальчик:
— Вот спасибо, дождик в небе,
Что заботишься о хлебе!
Дождь:
— Лучше б ты не поленился,
Папе с мамой поклонился!
Все:
— Ра, ра-ра, ра-ра, ра-ра,
Ра, ра-ра, ра-ра, ра-ра!
Мальчик:
— Вам спасибо, папа с мамой,
Хлеб даёте вкусный самый!
Мама:
— И тебе спасибо тоже,
Ты у нас такой хороший!
Все:
— Ра, ра-ра, ра-ра, ра-ра,
Ра, ра-ра, ра-ра, ра-ра!

Кукушка

Andantino

Утром, днём и ве-че-ром, ку, ку,
ты по-ёшь застенчиво:
ку, скрылась в глуби-не лес-а
и по-ёшь из да-ле-ка: ку, ку,
ку, ку, ку, ку.

Утром, днём и вечером:
Ку-ку-ку,
Ты поёшь застенчиво:
Ку-ку-ку,
Скрылась в глубине леса
И поёшь издалека:
Ку-ку-ку!

И с твоею песнею,
Ку-ку-ку,
Лес ещё чудеснее,
Ку-ку-ку,
С каждой песенкой твоей
Мне мой край ещё милей,
Ку-ку-ку!

Перевёл с молдавского
Яков АКИМ

СВЕТИ, МАЛЫШ!

С. РОМАНОВСКИЙ

Вот рычаг с чёрным шариком. Нажмёшь — и посыплется зерно.

— Папа,— спрашивает Нурлан,— а почему ты ничего не говоришь? Не охота?

Отец не отвечает: наверное, не слышит из-за шума мотора. Комбайн у него новенький, с иголочки, и весь он звенит и гудит, как щит древнего воина в битве.

Из прозрачной кабины далеко видно. Редко взмахивая крыльями, парит орёл-могильник. Бело блестит излучина реки.

По золотому морю под синим небом плывёт красный комбайн — хлеб убирает.

В кабине на коленях у отца, как в гнёздышке, сидит шестилетний Нурлан и ворочает головой туда-сюда, туда-сюда. Кругом, как в самолёте, множество приборов: циферблатов, рычагов, разноцветных лампочек.

Как бы их все запомнить?

Сразу все — никак. А некоторые можно.

Отец останавливает комбайн, полотенцем вытирает лицо, шею, грудь под рубахой, заглядывает в пустой термос и подаёт его Нурлану.

— Сынок,— просит он,— будь другом — сбегай к речке за водой. Пить охота.

— А ты уеде-е-ешь,— жалобно тянет Нурлан, хотя знает, что отец никуда не денется.— Уеде-е-ешь...

— Куда, сынок?

— Уеде-е-ешь, и всё.

— Будешь капризничать — на комбайн больше не возьму,— говорит отец.

Нурлан замолкает. Прижимая к груди термос, он по трапу спускается на землю и что есть духу бежит к речке. Он бежит долго-предолго, превозмогая желание обернуться, и наконец оборачивается.

Оказывается, он совсем недалеко убежал и комбайн рядом — красная громадина по грудь в золотой пшенице под синим небом.

Отец объявляет ему с капитанского мостика:

— Тише едешь — дальше будешь.

Опустив голову, Нурлан бредёт тише тихого, и травы смыкаются над ним. Здесь сыро и парко, и земля зыблется. Открывается заводь в окружении толстых, как в тропиках, тростников. Нурлан ведёт взглядом по их стеблям до самого солнца. Мальчику думается, что тростники так выросли, пока он шёл за водой.

Он опускается на колени, упирается руками в землю, рассматривает своё отражение в реке и остаётся им чрезвычайно доволен. Лицо как смуглое солнышко, брови дугами, глаза смелые, точно у отца. Мальчуган нагибается — отражение приближается к нему, увеличивается, расплывается и пропадает.

Где оно?..

Мальчуган пьёт воду, пахнущую землёй, водорослями и рыбами.

— Ух! Устал. Чуть всю реку не выпил.

Он отрывается от воды. С подбородка падают капли. А это кто? У корней тростников в заводи стоит зелёная щука и шевелит белыми плавниками.

Нурлан в страхе отползает подальше от воды, лежит, обхватив руками голову, и старается не дышать.

Лежать ему скоро надоедает. Нурлан потихоньку распрямляется и видит, что рыбина стоит там же.

— Эй! — окликает её Нурлан.

Щука не шелохнётся.

Сухой тростинкой мальчуган с опаской щекочет щучью спину. Щука никак не отзывается на это щекотание. Выпученные глаза её задумчивы, рот с выдающейся нижней челюстью полуоткрыт, жабры колышутся.

— Жарко ей,— догадывается Нурлан.— Неужели и в реке жара бывает?

И холодеет: он вспоминает наказ отца — принести воду. Отец трудится в поте лица, пить хочет, а он, Нурлан, здесь прохлаждается.

Ой, что теперь будет?

Не возьмёт его отец больше на уборку.

Ни за что! Э-эх!..

Торопясь, мальчуган погружает термос в реку и с наслаждением слушает, как вода, одушевлённо звуча, проталкивается в посудину и наперегонки лопаются пузыри.

Нурлан идёт было в поле, но в пути вспоминает про щуку. Как она там? И возвращается.

Щуки в заводи нет.

— Была, да сплыла,— вздыхает Нурлан.— Ну и ладно.

И замирает: из воды прямо ему в глаза смотрит большая студенистая лягушка и не моргнёт ни разу.

— Ты раньше щукой было? — с уважением спрашивает Нурлан.— Ого!

Лягушка шевелит задними лапками-кисточками и раздувается, словно готовится к выступлению. А Нурлан ей рассказывает:

— У нас в доме две лягушки жили. Большая и маленькая...

Он вспоминает отца, обрывает повествование и бежит в поле. Комбайн — железный терем — стоит на том же месте, а сердце у мальчугана сжимается.

По трапу он вскарабкивается в кабину.

Отца там нет.

Кабина выглядит нежилой и холодной.

— Папа,— плачет Нурлан.— Папочка! Где ты? Миленьки-ний...

Из кабины видно, что в поле нет ни души.

— Папа-а-ааа!..

Мальчуган слезает на землю и видит: в тени комбайна спит отец, подложив под щёку фуражку. Дышит он ровно. Мальчуган опускает на землю мокрый, тяжёлый, как ведро, термос, счастливо вздыхает и, не удержавшись, прикасается губами к большой раскрытой ладони отца.

Она пахнет отцом и хлебом.

Нурлан свёртывается клубочком рядом с отцом и пытается заснуть. Однако у него не получается: он спал всю ночь, а отец всю ночь работал.

Где-то кричит кобчик:

— Ки-ки-ки!..

Мальчуган садится и близко видит кобчика. У птицы чёрные крылья, рыжие штаны и красные лапы.

— Ки-ки-ки!..

Вдруг кобчик ныряет в стерню, невысоко взлетает, а в клюве у него извивается золотая ящерица.

— Ого! — сообщает Нурлан отцу.— Я ещё видел, как кобчик суслика поймал. Вот такого.

Но отец не слушает — он спит.

Мальчуган опять сворачивается клубочком и слышит голос:

— Есть кто живой?

Это спрашивает водитель дежурной машины, которая приехала за зерном. Отец не шевелится и, не открывая глаз, напоминает Нурлану:

—...Рычаг с чёрным шариком.

А голос из дежурной машины повторяет:

— Есть кто живой?

— Есть! — откликается Нурлан.

— Кто?

— Мы!

Гремя ботинками по железному трапу, Нурлан взбегает в кабину, обеими руками ловит рычаг с чёрным шариком. Рычаг не поддаётся. Нурлан повисает на нём всем сильным лёгоньким телом своим, рычаг неподвижен. Что делать? Тут Нурлан догадывается, что тянет не в ту сторону. Легонько-легонько мальчуган давит на чёрный шарик в нужном направлении — и рычаг двигается.

— Пошло-оо!

Нурлан видит и слышит, как из красного рукава комбайна — из шнека! — в кузов дежурной машины льётся-брызжется зерно. Оно играет на солнышке и шуршит:

— Хорошшш-ооо!..

Шофёр, высунувшись из кабины, спрашивает Нурлана:

— А отец где?

— От-ды-ха-ет!

— Тебя как звать-то? — интересуется шофёр.

— Меня? Меня — Нурлан.

— Я приезжий. Казахского языка пока не знаю,— признаётся шофёр.— Как твоё имя будет по-русски?

— Моё? — Нурлан задумывается.— Моё — «Свети, малыш».

— Очень хорошее имя! — радуется шофёр. Нурлан радуется вместе с ним и говорит:

— Отец так назвал...

— Ты отца-то не буди,— просит шофёр.— Мы ему сейчас замену пришлём.

Машина уезжает.

А под синим небом в золотых хлебах остаётся красный комбайн.

Нурлан идёт к отцу. Тот по-прежнему спит. Грудь мерно вздымается, от ресниц на лице лежат рубчатые тени. Рядом с отцом Нурлан сворачивается в клубочек и закрывает глаза...

Вскоре Нурлан и вправду засыпает.

А отец просыпается, протирает глаза и видит, как высоко в горячем воздухе плавает орёл. Сюда долетает орлиный голос:

— Тьяф! Тьяф!

По дороге, окутавшись пылью, бежит машина, приближается, увеличивается в размерах. Машина останавливается. Из неё выходят люди.

— Сменщики приехали! — радуется отец, берёт сына на руки и идёт навстречу людям. Во сне сын дышит неслышно, как цветок...

Рис. В. ЛОСИНА

СЕЛЬСКИЕ ДОРОЖКИ

ЛЕВ КУЗЬМИН

БЫЧОК

— На доброту-ласку откликается всё, даже техника! — нет-нет да и заявит тракторист Веня Кокин, а его товарищи по работе тут же Веню и подначат:

— А ты погладь, погладь свой тракторишко-то. Как Таня телят гладит. Тем более что он у тебя мастью и ростом очень похож на бычка. Краснобокий и маленький.

Трактор у Вени и вправду не такой большой, как у других механизаторов.

Но это Веню не смущает ничуть. На шутливое предложение трактор погладить он отвечает не задумываясь:

— И поглажу! Потому как есть за что... Вы думаете, если на ваших великанах-громобоях можно пашню пахать, так мой «бычок» никуда не годится? Не-ет! Он у меня хоть мал, да удал, и нарабатываем мы с ним не меньше вашего.

И вот тут приятели Вени Кокина уже не ухмыляются, им хорошо известно: Веня прав. Нет такой минуты, чтобы тракторок-малыш оказался без дела. То он для Таниных телят сочный клевер косилкой срезает, то в поле картошку опахивает, то зелёный силос в ямах утаптывает, колёсами мнёт, а то и тянет из леса сырое, смолистое бревно к речному перекату. Там плотники чинят мост, по которому возит фляги с молоком на маслозавод, а осенью ребятишки бегают в школу.

Короткая передышка у Вени бывает только в полдень, когда он заезжает домой на обед. Но и тут у него с трактором происходит деловой разговор.

Веня сидит за столом напротив распахнутого на улицу, на лужайку, окна, хлебает окрошку, а сам всё на своего «бычка» смотрит, будто спрашивает:

— Ну как? После обеда ещё постараемся? Ещё малость поднажмём?

И краснобокий «бычок» готовно таращится на Веню фарами, тоже как будто отвечает:

— Поднажмём! Только и меня угостить не забудь. Долей в бак топлива и свежей воды в радиатор.

БРИГАДА

— Завтра в бригаду! На луга! Сено убирать! — звенят по деревне взрослые и ребячьи голоса.

К уборке сена бригадой готовится деревня загодя, собирается туда и мой добрый хозяин Аркаша, у которого я давно живу из лета в лето.

У Аркаши, за что он ни возьмётся, всё кипит в руках. Он умеет плотничать, класть в новых избах настоящие рус-

Рис Н УСТИНОВА

ские печи, управлять колхозной электромельницей и даже выезживать молодых, необученных жеребят

А нынче он берётся за рубанок и, широко, как пену, отгребая с верстака тонкую стружку, мастерит грабли. Выходят они у него лёгкие, ловкие. Есть большие, с длинным цевьём, есть поменьше. Готовит их Аркаша на всю свою семью, на всех родственников и на соседей. Пилит он, сколачивает, строгает до самого темна, до той поры, пока не приходится включать под навесом во дворе свет

Да только не успеют как следует расскрипеться по деревенским закоулкам, затишкам ночные сверчки, а над кровлями опять уже ясная голубизна и торопливый щебет ласточек. На неширокой площади под дуплистыми березами разворачивается с громоздкой на резиновом ходу телегой тракторок Вени Кокина. Хлопают там и сям двери, стучат ступенки крылец. Накидывая на ходу платки, кепки, держа на плечах лёгкие грабли, деревенский люд спешит к телеге. Ребятишки сами, а взрослые подсаживая друг друга, взбираются с шутками, с прибаутками наверх, на выструганные Аркашей скамейки.

Веня выглядывает из кабины

— Бригада в сборе?

— Давно в сборе. Поехали!

Езда не дальняя, погода ведренная и через короткое время бригада рассыпается по луговому раздолью вдоль речки. Там сохнет ещё со вчерашнего дня подкошенное тракторными косилками сено. Теперь его, хорошо провядшее и ароматное, как чай, надо вершить в стога, а то промедлишь — налетят ливень с грозой, и, считай, всё пропало

Но сейчас ни за речкой, ни за лесом ничто не погромыхивает. На лугах лишь людская перекличка, да тарахтит бойкий тракторок. Веня подвесил к нему что-то вроде стальной пятерни, сгребальщики — женщины, старики, ребята-школьники — сено стаскивают в копны, а тракторок копны поддевает, подаёт на стог Аркаше и ещё одному расторопному мужичку. Тот и другой

упарились, но кричат тем, кто внизу «Давай! Давай!»

А воздух с каждым часом всё жарче. На горизонте возникает лёгкое облако, рядом — другое. Они ширятся, растут, громоздятся, и от этого простор вокруг ещё огромнее.

Облака в неоглядном просторе как белые башни.

Стога на лугу как нацеленные в космическую синь корабли.

А люди — их косынки, майки, яркие рубахи — кажутся издали живыми, радостными цветами.

ПРАЗДНИК

Но всё же самая-то славная пора начинается вот с чего.

Над полями, над деревнею раскалённый июльский полдень. Все прячутся в тень, в холодок, лишь только агроном Мария Петровна спешит прямо посередине улицы, по солнцепёку, и в руках у неё целый сноп ржаных колосьев.

— Смотрите, смотрите, — говорит она, — на ближних угорах хлеба поспели!

И все сразу от такой вести ахают, все улыбаются. И вот уже шагают торопливо к комбайнам комбайнеры, к грузовикам водители, и даже Веня Кокин заводит своего было примолкшего в тенистом углу за кузницей «бычка».

Пыля и грохоча, катит железная техника сначала одною колонкой по большой среди полей дороге, а потом растекается по знойным холмам, по спелым нивам. И падает под ножами комбайнов густая рожь, и едут вперевалку по колючему жнивью к деревне доверху наполненные грузовики, и растут на колхозном току высокие горы пахнущего солнцем зерна.

Зерно на току веют, сортируют. Работа здесь тоже очень жаркая. Но загорелые, потные люди смеются, люди поздравляют друг друга:

— С новым хлебом! С трудовым праздником! Много мы наторили за лето тропинок, много переделали всякой работы, но эта — наиважнейшая. Хлеб наш кормилец, хлеб — всему голова.

Стучат, шумят на току всякие разные машины, мелькают в руках людей, взмётывая сыпучую рожь, новенькие деревянные лопаты, стараются в эту пору и бабка Дуня Рогожникова с внуком Пашкой.

Бабка стоит у ближнего колодца, крутит кованую рукоять, вытаскивает ведром студёную воду, а маленький Пашка воду подносит на ток в двух белых эмалированных бидончиках.

Воды надо много. Разгорячённые зноем и работой люди подставляют Пашке ладони, оплёскиваются, пьют, Пашку хвалят:

— Теперь, Пашок-петушок, и у тебя есть тоже своя трудовая тропинка. Конечно, коротенькая, но и она для нашего общего дела не пустяк.

И Пашке приятно. Пашка, позванивая бидончиками, всё бегает да бегает по тропинке, и хотя к вечеру не чует под собой ног, но на душе и у него расчудесно. Ещё бы! Ведь нынче он почти такой же уважаемый на селе работник, как Веня, как Ваня, как Михалыч и, может быть, даже как агроном-полевод Мария Петровна.

И что там теперь ни говори, а без него, без Пашки, весь этот трудовой праздник был бы хотя и тот, да не совсем тот.

Вот и прочитали вы рассказы писателя Льва Ивановича Кузьмина про разных людей, что в сельском краю живут, рано встают, на свою сельскую работу спешат, чтобы на столе у нас с вами красовался добрый каравай, да были пышки с ватрушками, да молочко со сливками, чтобы поскорей да получшей выполнить Продовольственную программу, которую наметила наша партия и народ.

Скажем всем им наше большое октябрятское спасибо!

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Каюм ТАНГРЫКУЛИЕВ

АРНА

— Дедушка, а когда мы с тобой пойдём жизнь животных наблюдать? Ты всё говоришь подрасти да подрасти. Смотри, я уже подрос!

Рахим-ага посмотрел на Арслана и согласился:

— Верно. Совсем ты у нас большой стал. Дрова бабушке для печки-тамдыра носишь. Будь по-твоему. Завтра и пойдём.

— На бахчу? — Глаза у Арслана заблестели.

— На бахчу! Я буду в дорогу готовиться, а ты пойди скажи бабушке, чтобы испекла нам свежих чураков.

— А козлика возьмём?

— Возьмём и козлика! — согласился Рахим-ага.

Рахим-ага, Арслан и козлик с бубенчиком шли вдоль реки по течению. Потом тропинка увела их в тальники, а когда заросли наконец кончились, то река была уже далеко, но прямо перед ними сияла голубой водой прозрачная до самого дна арна.

Арна — это старица, но старица особая. Она питается водой из основного русла и, сделав петлю, впадает опять в реку. Течение в арне едва приметное, илистая вода Амударьи успевает отстояться и становится такой чистой и прозрачной, словно это ключевая вода.

Амударья в последние годы уходила всё дальше и дальше, и между арной и рекой образовался большой остров, на котором пасли скот, а на плодородных илистых землях разводили бахчи.

Рахим-ага, Арслан и козлик остановились на берегу, заросшем рогозой.

С другого берега арны отчалила лодка. Затарахтел мотор, и через несколько минут подросток-лодочник, почтительно поздоровавшись с Рахим-агой, посадил всех трёх путешественников в моторку и помчался по арне в сторону бахчи.

На острове кусты рогозы были ещё больше, издали пушистые их кроны напоминали кибитки.

— Ай! — закричал Арслан от страха.— Ай! Ай! — закричал он в следующее мгновение от восторга.

Из-под ног вспорхнули фазаны, словно ударил из-под земли фонтан драгоценных камешков.

— Джокурр! Джокурр — звенел их тревожный, но чарующий крик.

— Дедушка! Дедушка! — кричал Арслан.— Какие мы молодцы, что пришли сюда!

Дедушка улыбнулся, положил руку на плечо мальчика, а Арслан положил руку на шею козлика с бубенчиком, и они пошли дальше, разглядывая чудеса острова.

СНАРУЖИ ЗЕЛЁНЫЙ, А ВНУТРИ КРАСНЫЙ

На краю бахчи под молодыми плакучими ивами были врыты четыре столба. Вместо стен с двух сторон — сухие снопы камыша, вместо крыши — циновка, придавленная камнями, чтоб ветер не сорвал.

— Вот мы и на месте! — сказал Рахим-ага, располагаясь в тени под навесом на старой кошме.— Пить хочется. Принеси, верблюжонок, арбуз.

Козлик с бубенчиком, устроившийся под вётлами, встал, чтобы бежать за Арсланом, но мальчик махнул ему рукой

Рис В. ДАВИДОВА

— Лежи! Я недалеко.

Козлик послушался, но он лёг только тогда, когда увидел, что Арслан возвращается.

— Дедушка! Смотри какой! Еле тащу.

У Арслана не хватило силы, он опустил арбуз на землю и вкатил его под навес

Рахим-ага достал нож и посмотрел на внука хитро щуря глаза.

— А ну-ка, отгадай, что это: «Снаружи зелёный, а внутри красный».

— Арбуз! — выпалил Арслан и сделал испуганные глаза.— А вдруг он белый?

— Не может этого быть! — сказал Рахим-ага и разрезал арбуз пополам.— Смотри, красный как огонь. Но не горячий, а сладкий. Первый кусок тебе — отведай.

Арслан взял алый полумесяц, откусил и зажмурился.

— Слаще мёда — И тут же вспомнил о своём друге.— Дедушка, надо и козлёнку дать. Ему тоже, наверное, пить хочется

Козлёнок получил свою порцию сладкого огня, и бубенчик зазвенел одобрительно.

АККУРАТНЫЙ ЛАКОМКА

— Пока вода греется,— сказал Рахим-ага,— пошли на бахчу Арбузы созрели. Посмотрим дыни и, главное, джугару со сладким тростником

Джугара стеной стояла вокруг бахчи. Стебли с метёлочками поднимались метра на три над землёй. Эта живая изгородь — защита от непрошеных гостей. Семена джугары напоминают просо.

Рахим-ага разводил особый вид джугары — медовую. У медовой джугары в трубчатом стебле сок сахарный, сладкий. Когда-то медовая джугара была любимым лакомством детей но потом сахар и конфеты перестали быть редкостью, а медовой джугару забыли, и она перевелась.

Рахим-ага, которому захотелось возродить пропавшее растение, разыскал у одного старика всего один стебель медовой джугары. За три года он сумел её размножить и теперь мечтал передать семена колхозу

Рахим-ага осмотрел посадки и решил:

— Пора убирать урожай. Зерно созрело, а птицы не дремлют

— Дедушка, ты посмотри! — Арслан поднял с земли шкурку дыни.— Дыни кто-то ворует

— Верный знак, что поспели! — засмеялся Рахим-ага.

— Но кто же её съел? А вот ещё кожура! Это, наверное, кабан

— Ну, если бы кабан пришёл в гости, он тут все дыни бы переворочал. Наши дыни кушает

шакал. Он большой лакомка. Выбирает по запаху самую спелую и ест аккуратно

— Ах, этот противный шакал! — закричал Арслан.— Я видел, как он ёжика сожрал, а теперь до наших дынь добрался. Дедушка, поставь на него капкан.

— Шакала в капкан не заманишь, а какая-нибудь ни в чём не повинная зверушка попадётся и погибнет Давай лучше чучело поставим. Шакал увидит человека и убежит

Так они и сделали. Напились чаю, а потом соорудили из сухого камыша чучело на страх шакальему племени

НОЧНЫЕ ШОРОХИ

Спать дедушка и внук легли вместе с солнцем. Козлёнок с бубенчиком устроился под навесом.

Арслан вспомнил прожитый день, и день этот показался ему лучшим в его жизни. Они с дедушкой были сегодня настоящие путешественники.

Вдруг совсем недалеко раздался звенящий вопль шакалов. Бубенчик козлика тревожно зазвенел

— Бубенчик! Бубенчик! — позвал Арслан.

Козлик пришёл под навес и лёг радом со своим другом. Арслан почесал ему между рожками и повернулся на бочок, но тут же открыл глаза.

— Дедушка! А шакалы нас не схватят?

— Не схватят, верблюжонок! Они трусливые

— Дедушка, а если волки придут?

— Волки летом на человека не нападают Спи. Я тебя завтра рано подниму

Арслан поворочался, устраиваясь поудобнее и затих.

Но не заснул. Он услышал странный треск Словно огонь по земле бежал. То в одном месте затрещало, то в другом. Арслан поднялся на руках и посмотрел во тьму

— Дедушка, ты слышишь?

— Слышу, верблюжонок. Это дыни трещат Зреют

Арслан улыбнулся, лёг и, улыбаясь, заснул

ДИКОБРАЗ

— Вставай, Арслан!

Мальчик открыл глаза. Ярко светило солнце Звенел бубенчик, Козлик давно уже пасся объедая листья с кустарника

— Ты хотел видеть разных зверушек,— сказал дедушка,— давай съедим дыню, попьем чаю, и я кое-что тебе покажу. Пока ты спал, я ходил в разведку и нашёл.

— Скорее пошли, а то убежит! — воскликнул Арслан.

— Не убежит. Я нашёл старое жилище дикобраза.

Дом дикобраза — нора. Но нора не простая, а трёхкомнатная. В первой комнате живут дикобраз-папа и дикобраз-мама, вторая комната для дикобразов-деток, а в третьей, дальней комнате — склад

Нора была разрыта, и все три комнаты хорошо было видно. В складской комнате и теперь ещё лежали аккуратно сложенные коренья и клубни растений.

— Они живут как люди! — удивился Арслан.

— Дикобраз когда-то был человеком,— сказал дедушка.— Разве бабушка Менгли не рассказывала тебе эту печальную историю?

— Нет

— Тогда слушай. В старые времена сосед у соседа занял два клубка шерстяных ниток. А когда пришло время возвращать долг, пожадничал и один клубок сделал меньше, чем брал Сосед, которому вернули долг, увидал обман и рассердился. Он воткнул в маленький клубок веретено, запустил им в обидчика со словами. «Пусть веретено вонзится в твоё тело стрелой!»

Едва веретено коснулось обидчика, как всё его тело покрылось иглами-стрелами. В таком виде жить среди людей нечестный сосед не осмелился. Он ушёл подальше от людских глаз и поныне, стыдясь своего поступка, выходит из норы только ночью, когда люди ложатся спать

— Дедушка, смотри! Игла дикобраза! — нашёл Арслан.— Она и впрямь похожа на веретено. Можно, я возьму его?

— Возьми,— разрешил дедушка,— возьми на память. Если когда-нибудь тебе доведётся пожадничать, то обязательно вспомни эту печальную историю.

ГОРЯЧИЙ ПЕСОК

Дед с внуком поднялись на косогор и сели под большими деревьями в тени

Козлик с бубенчиком, пощипывая траву, спустился к подножию косогора. Вдруг он подскочил, закричал и кинулся со всех ног назад к людям.

— Шакал? — испугался Арслан.

— Заяц! — засмеялся дедушка.— Видишь косогор?

Зайчишка с испуга выскочил на песок и бежал по открытому месту.

— Хочешь зайчонка поймать? — спросил дедушка.

— Хочу.

— Ну тогда беги и возьми его.

— Разве я догоню зайца! — обиделся Арслан.

— Догонишь. Это молоденький зайчишка. Он со страху на песок выскочил, а песок теперь горячий, лапки обжигает. Много не набегаешь.

Арслан пустился вдогонку за зайцем — и поймал! Зайчишка увидал погоню, запрыгал, но песок был раскалённый. Зайчик лёг на землю и смирился.

Арслан накрыл его рубашкой, принёс на касогор и отпустил.

— Пусть его на воле живёт! — сказал Арслан дедушке. — У меня ведь козлик есть.

ХРАБРЕЦ

На следующий день Рахим-ага и Арслан вернулись домой. Пока они путешествовали, в доме шла большая уборка. Во дворе висели на верёвках ковры и кошмы, стояло у стены большое зеркало.

— Ме-ке-ке! — сердито закричал козлик с бубенчиком. Он подошёл к зеркалу и увидал... козлика с бубенчиком.

Один козлик — это один козлик, а два козлика — большая драка.

И в следующее мгновение ласковый дружок Арслана отступил от зеркала, мотнул головой и со всех ног ринулся в сражение. Тот, другой козлик не убежал с испугу, а тоже бросился на противника.

— Трррах! — И зеркало разлетелось на мелкие кусочки.

— Ме-ке-ке! — жалобно сказал козлик, и его бубенчик тоже пожаловался.

Бабушка схватила веник, но Рахим-ага загородил козлика.

— За что же его бить? Он храбрый козлик! Он не отступил перед противником.

Арслан обнял своего друга и сказал:

— Бабушка! Он же ещё маленький! Он многого не понимает.

Менгли-эдже подумала-подумала и решила:

— Зеркало было старое, потемневшее. Пора нам, старик, новое купить. Может, глядя в него, и мы помолодеем.

Перевел с туркменского
Владислав БАХРЕВСКИЙ

Дорогой Мурзилка!

Мне девять лет, учусь я во втором классе. Вернее, училась, а с первого сентября буду уже в третьем!

Живу я на Камчатке. У нас целое лето может лежать снег. С бухты видны вулканы. Солнце к нам приходит по утрам раньше всех. Мы встаём, а ты, Мурзилка, ещё спишь.

Целый день нужно солнышку, чтобы обойти нашу Землю — вот какая она у нас большая! А все мы в ней — одна семья.

Когда вырасту, обязательно объеду всю нашу страну, чтобы узнать её, как знаешь свой дом.

Лена КОСЕНКО
г. Петропавловск-Камчатский

Дорогой Мурзилка!

Помоги мне, пожалуйста. Меня зовут Анжелика, учусь я в 4-м классе. Я круглая отличница и ещё занимаюсь в музыкально-хореографической школе. Я очень люблю читать, ходить в кино и в театр. Но кроме этого я очень хочу иметь верную и надёжную подругу. Со многими я уже дружила, но ничего не получается. Мама говорит, что я сама виновата.

Анжелика ГОМОНОВА
10 лет, г. Душанбе

А как ты думаешь, Анжелика, кто в этом виноват?

Я и читателей прошу подумать, почему так бывает: человек со многими пробует подружиться, а дружбы не получается. Почему?

МУРЗИЛКА

ПОСМЕЁМСЯ ВМЕСТЕ

С подружками Таней, Светой и Машей, хутор Рыжевой.

Таня рассердилась на сестру:
— Зачем ты пишешь на моей тетради!
— На ней же написано: общая.

ПОСМЕЁМСЯ ВМЕСТЕ

С Раей СУРЕВОЙ, с. Вознесены

Учитель просит ученика показать на карте Жёлтое море.
— Не могу,— отвечает ученик.
— Почему?
— Потому что на карте все моря синие!

ПОСМЕЁМСЯ ВМЕСТЕ

Рис. [illegible] ТЬЯНОВОЙ, [illegible] Читинской обл.

ПОСМЕЁМСЯ ВМЕСТЕ

С Олей ЮКИНОЙ, г. Пенза

— Что означает зелёный свет светофора?
— Скоро загорится красный,— ответил ученик.

ПОСМЕЁМСЯ ВМЕСТЕ

С Альбертом МАРДЕЕВЫМ, г. Ижевск

Учитель спросил ученика:
— Что такое ветер?
Ученик ответил:
— Это воздух, который может летать.

ПОСМЕЁМСЯ ВМЕСТЕ

«Морковка скоро поспеет». Рис. [illegible] ГАВРИЛОВА, Чернигов

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Пересказал с молдавского
Юрий КОВАЛЬ

Продолжение

ЛИО

Три дня мать не выходила из дому. Заболела мать.

Чубо носил ей ключевую воду, клал руку на лоб, чтоб отнять температуру. Но мать чувствовала себя всё хуже.

От соседки Чубо слыхал, что у одной тётушки из села Питпалак есть целебные травы. И он тут же отправился в далёкое село Питпалак*. А следом за ним побежал старый пёс Фараон.

Чубо шёл долго и всё время слышал, как в далёком селе Питпалак мычит корова. И пока корова мычала, Чубо держался за её голос. Но вот настал вечер, корова уснула, и Чубо сбился с пути. Он хотел уже лечь спать на кукурузном поле, но тут и увидела его Курица с цыплятами.

Не простая, конечно, Курица, а та высокая звёздная Курица, что выходит на небо каждую ночь**. Вместе со своими звёздными цыплятами она стояла в небе как раз над Чубо.

— Послушай, Лио,— сказала Курица одной маленькой звёздочке,— ты знаешь, где село Питпалак?

— Конечно, матушка.

— Ну тогда пойди и покажи дорогу.

И Лио быстро полетела по небу, а Чубо поспешил за ней. Но тут откуда ни возьмись объявился в небе Гаврилка. Он болтался в воздухе так просто, без дела, а как увидел Лио, сразу погнался за ней. Быстренько догнал и укутал её бородой.

— Стой на месте, Чубо! — крикнула Лио.— Стой, пока он не отвяжется! Это Гаврилка. Бездельник и хулиган.

Но Гаврилка и не думал отвязываться. Лио ему нравилась не меньше, чем Гиочика! Пробившись через его бороду, Лио протянула Чубо ниточку света.

— Привяжись, а то потеряешься!

И Чубо быстро привязал к поясу звёздную нитку.

— Что ты делаешь, хозяин? — сказал мудрый Фараон.— Утянут тебя на небо, как потом слезешь? Откуда нам знать, что у этих звёзд на уме?

* «Пит-палак! Пит-палак!» — так кричат перепёлки в полях Молдавии.

** «Курочка с цыплятами» — так называют молдаване созвездие Стожары.

Рис. Б. Диодорова

И Фараон ухватился зубами за штанину, чтоб в случае чего удержать Чубо на земле.

Так они и двигались вперёд. Лио — Гаврилка — Чубо — Фараон.

Лио — в бороде, Чубо — на нитке, штанина — у Фараона во рту.

Только Гаврилка ни с кем не был связан и ни к кому не привязан.

— А куда ты идёшь? — спросила Лио, проделав в бороде дырочку.

— За целебной травой, — ответил Чубо. — Мама у меня заболела. А ты, наверно, спать хочешь? Спи пока.

Стал Чубо баюкать Лио и неожиданно сам уснул. Так и шёл, и спал на ходу.

А Гаврилка — не будь дурак — тут же свернул в сторону. Он увидел неподалёку гору без шапки и решил нахлобучить ей на голову вместо шапки самого себя, чтоб получилась папаха со звездой.

Фараон сразу заметил, что Гаврилка валяет дурака, хотел тявкнуть, да тявкать-то было нельзя. Отпустит штанину — звёзды и утянут Чубо. Ищи потом свищи!

Но Чубо сам открыл глаза и увидел, что нитка звёздная тянется на вершину горы, а на горе в виде шапки сидит Гаврилка. Подумал Чубо, что Лио уснула, и, чтоб не разбудить её, снял ботинки и стал подниматься наверх.

Пока он карабкался, Гаврилке надоело быть шапкой. Не может в конце концов вольный человек долго сидеть у кого-то на голове, и Гаврилка умчался.

А Лио осталась на вершине горы.

— Надень ботинки, Чубо, — сказала она. — Звёзды не спят. — Лио пыталась приподняться, но не смогла.

— Наверно, на тебя воздух давит, — сказал Чубо. — И тянет земля.

Чубо положил звезду в шляпу, и она повела его в далекое село Питпалак.

С целебной травой, со звездой в шляпе, с Фараоном, вцепившимся в штанину, вернулся Чубо домой.

От света звезды всполошилось село Туртурика. Дядя Тоадер подумал —

пожар, выскочил с ведром Дед Георге прибежал с багром

Скоро у Чубо во дворе собралась чуть ли не вся деревня

— С неба упала, бедная,— говорили женщины.— Хорошо хоть не разбилась

— Пора тебе возвращаться, Лио,— сказал Чубо.— Сделаем так Я лягу сейчас в люльку, а ты скажи только «бай-бай», и вся моя сила перейдёт к тебе Тогда то уж улетишь

Чубо лёг в люльку, Лио сказала, что нужно, и взлетела Но долетела только до верхушки башни и тут же вернулась

— Побуду ещё у тебя,— сказала она — Побуду, пока мать больна

Когда на следующее утро Чубо проснулся, он увидел, что Лио и Гночика сидят рядом с матерью, а в окнах торчат рожи всех ребят из села Туртурика, а с ними борода Мельничного Дядьки.

Они галдели, смеялись и протягивали Лио кто бутылку с маком, кто орех Мельничный Дядька размахивал свежим калачом

Все они, оказывается, явились кормить звезду Один чудак даже козу привёл, вдруг звёзды любят козье молоко?

Сильно все они огорчились, когда узнали, что звезды светом питаются Тут же сами и умяли свои гостинцы

Вечером Чубо поднял звезду на башню, и теперь даже на мельнице, даже в краю Улиток было светло, как днём И Лио светила всю ночь

Лио, Лио,
Ты не спишь
Ты лишь светишь,
Лишь горишь!
Светишь ночи,
Светишь дни,
Лио, Лио,
Отдохни —

так пела Гночика, поднявшись за полночь к Лио на башню. Услышав эту песню, Лио засмеялась и отвечала так

О, сестра моя земная!
Звёзды светят, сна не зная
Жизнь окончится моя —
Вечным сном усну и я.
Прочертив небесный свод
Вспыхнет Лио и уснёт

Все жители деревни Туртурика, конечно, радовались, что у них на башне горит звезда

Но некоторый человек по имени Кэрэбуля задумал украсть Лио и продать на рынке Придёт же такое в голову!

И вот Кэрэбуля слепил из теста маску, похожую на Чубо, и полез ночью на башню. Схватив звезду, он отнёс её домой и спрятал в сарае

Сразу стало в селе темно, и люди не могли понять, куда девалась звезда Откуда им знать, что виноват Кэрэбуля?

Ну а сам-то Кэрэбуля, конечно, не знал, что Чубо до сих пор связан с Лио звёздной ниточкой Кэрэбуля сидел за столом, ужинал и прикидывал, сколько на рынке дадут за звезду, когда открылась дверь и в комнату вошёл Чубо

— А. Чубоцел! Заходи, дорогой, садись

— Привет,— сказал Чубо. Гоните звезду

— Какую ещё звезду?

— Ту самую, с башни

— Не знаю никакой звезды Что ты Чубо!

Больше разговаривать с ним Чубо не стал и прямо пошёл в сарай

Освободив звезду, Чубо понёс её на башню

— Чубо, Чубо,— кричал Кэрэбуля за его спиной,— я пошутил. Сам знаешь, в сарае темно, овцы не видать! Чубо, прости! Только никому не говори Чубо Чубо. Чубоцел.

— А ведь пора мне возвращаться домой,— сказала Лио, когда Чубо принес её на башню. - Скоро птицы улетят в тёплые края А я та самая Звезда, которая показывает журавлям дорогу

— Ну хотя бы ещё ночь,— попросил Чубо

И была ему дана ещё ночь, а на другую ночь Чубо лёг в люльку, и все дети села Туртурика легли в люльки, и, сказав им «Баю-бай», улетела Лио-звезда, которая журавлям показывает дорогу

Окончание в следующем номере

КОЛОКОЛ ИЗ ЗЕЛЁНОЙ МЕДИ

Отфрид ПРОЙСЛЕР

[illegible]

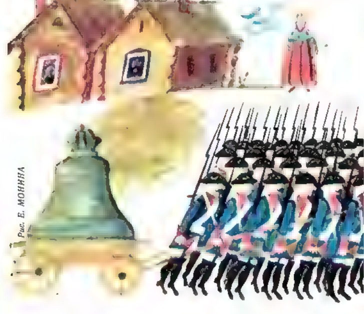

Рис. Е. МОНИНА

ему советские ребята, говорил, как интересно ему знакомиться с историей и культурой нашей Родины. А на прощанье подарил мне книжку с картинками.

«Это маленькая сказка,— сказал Прейслер,— но она мне особенно дорога. Я попытался выразить в ней свою любовь к вашей стране и вашему народу»

Мне сказка понравилась. И захотелось перевести её на русский язык. Вот что у меня получилось

Давным-давно жил в России крестьянин по имени Иван. Однажды пахал он поле. Вдруг его плуг звякнул о металл, и из земли показалось кольцо, к которому было прикреплено что-то тяжёлое. Иван продел сквозь кольцо толстую верёвку, запряг вола и вытянул из пашни позеленевший медный колокол. Хотя был он больше и тяжелее всех колоколов, которые Иван видел раньше, вол вытащил его легко, будто репу.

Другие крестьяне побросали работу и обступили находку. «Ну и дела! — удивлялись они.— Откуда такой огромный колокол в Ивановой пашне?»

Никто не мог дать толкового объяснения. И все решили, что колокол попал сюда не иначе как чудом.

«Пожалуй,— согласился Иван.— С какой стороны ни смотри, а всё это похоже на чудо». И бросил волу охапку травы.

А крестьяне взялись за топоры и срубили для колокола из зелёной меди деревянную колокольню.

С той поры двенадцать раз в году, по большим праздникам, звонил колокол. Его было слышно во всех деревнях на семь вёрст в округе. И кто его слышал, на время становился другим человеком. Если у кого было горе, он забывал о горе. Одинокий не чувствовал одиночества. Больной избавлялся от страданий. К робкому приходило мужество. Бедняк не завидовал богачу. А богатый вдруг понимал, что есть на земле радости, которых не купишь ни за какие деньги.

Такой это был колокол.

Прослышал о колоколе царь, правивший в ту пору страной. «Этот колокол не для мужиков,— решил он.— Хочу, чтобы его доставили в столицу и повесили на самую высокую колокольню рядом с моим дворцом». Он взял тысячу солдат и во главе их отправился за колоколом.

Крестьяне просили: «Оставь колокол, государь».

Но царь был неумолим. «Колокол,— сказал он,— слишком хорош для вас. Спускайте его вниз. Его настоящее место на самой высокой башне моей столицы».

Нечего делать. Спустили крестьяне колокол на землю, и царские слуги погрузили его на дубовую, окованную железом телегу.

В телегу запрягли шестёрку отборных коней. «Но!» — крикнул царь. Но кони не смогли сдвинуть телегу.

«Двенадцать волов! — распорядился царь.— Двенадцать волов с ним справятся!» И слуги запрягли дюжину волов. Царь сам схватил кнут, ударил волов и рявкнул: «Цоб!»

Волы замычали от боли, так натянули упряжь, что от натуги попадали на землю, но не сдвинули телегу с Ивановым колоколом даже на ширину ладони.

Тогда царь приказал солдатам самим впрячься в телегу. «И ты,— велел он своему воеводе,— тоже впрягайся!» И тянули изо всех сил.

Но и тысяча солдат вместе с воеводой не смогли стронуть с места телегу с Ивановым колоколом, таким он вдруг стал тяжёлым. Понял царь, что колокол не будет ему принадлежать ни за что на свете. В гневе позвал он своего кузнеца. «Кузнец! — закричал он.— Возьми самый тяжёлый молот и разбей этот дурацкий колокол на тысячу кусков. Раз он не хочет звонить для меня, великого и грозного государя, пусть не зазвонит больше во веки веков».

Кузнец взял самый тяжёлый молот и, как приказал царь, разбил колокол на тысячу кусков. Осколки покрыли землю. И царь со своими солдатами уехал.

На следующее утро выпал первый снег. Иван собрался в поле. Он хотел, прежде чем ударит мороз, закопать остатки от колокола в ту землю, где он его нашёл.

Он думал, что увидит на пашне тысячу кусков зелёной меди. А поле было усеяно колокольцами. Их была ровно тысяча — маленьких и звонких. И каждый был в точности похож на большой колокол. Иван собрал их в мешок, отнес в деревню и раздарил соседям и жителям других деревень.

Теперь крестьяне, запрягая лошадей, вешали колокольцы на сбрую, и над широкой равниной плыл удивительный мелодичный звон.

Казалось, это не колокольцы вызванивают, а поёт сама родная земля.

МУДРЕЦ

Пётр САУЛИН

Зимой дед Кипр после охоты в Янтарном бору, где убили медведицу у берлоги, принёс маленького медвежонка за пазухой и положил в избе на пол.

Медвежонок побродил по полу, осмотрел все углы избы, поскрёб лапой кадку с водой, подошёл к деду и стал по голенищу валенка забираться к нему на колени.

— Ишь, мудрец, по запаху отыскал своего визиря,— сказал дед Кипр, взял медвежонка на руки и, поглаживая его, рассмеялся.

Медвежонок на коленях у деда свернулся клубочком и стал сосать свою лапу.

— Проголодался,— объяснил нам дед. Он налил молока в бутылку, надел на неё соску и стал поить маленького Мудреца, за которым это имя так и осталось.

До весны Мудрец жил в хате. В ящике с сеном в углу он не хотел жить и оттуда вылезал на пол. Когда его ловили и сажали в ящик, он фыркал, рявкал и пытался укусить за руку.

Медвежонок быстро рос, а как подрос, лазил на лавки, на кровать, научился залезать на лежанку, а оттуда на печь и с печи швырял на пол валенки. Однажды, когда никого в избе не было, он распотрошил подушку, и вся изба была в белом пуху. Бутылки с конопляным маслом, пузырьки с лекарством приходилось от медвежонка прятать, потому что он открывал пробки и всё выливал.

Ночью он подкрадывался к постели и стаскивал одеяло, ложился под бок спящему. Когда Мудреца отталкивали на пол, он ревел и жалобно скулил. Приходилось ему на ночь намазывать лапы мёдом, тогда он лежал в своём ящике и, посапывая, сосал лапы. Кормили мы медвежонка почти тем же, что и сами ели: супом, гороховыми блинами, хлебом.

Мудрец пил молоко из бутылки. Обхватит её лапами и засунет в рот горлышко. Особенно медвежонок любил мёд, даже пустую бутылку из-под мёда часами облизывал. Этим позднее дед Кипр пользовался, когда начал дрессировать Мудреца.

Мудрец любил бороться в обнимку. Когда я клал его на лопатки, он злился, ревел, злобно фыркал и, встав на задние лапы, снова лез на меня, упорно желая победить. Иногда я уступал ему, и Мудрец валил меня на пол. Тогда Мудрец самодовольно сопел, поглядывая озорными чёрными глазами.

Цветы на подоконниках Мудрец почти все перепробовал. Бегонию объел начисто, сломал герань, оборвал столетник и высосал из него сок.

Когда Мудрец стал большим медведем, дед Кипр надел на него кожаный ошейник и привязал его в сарае.

Постель Мудрецу дед Кипр устроил из соломы, а сбоку поставил кадушку с водой и миску для еды.

— Довольно, напроказничал, на цепи теперь будешь сидеть,— сказал он, запирая сарай.

Мудрец ревел в одиночестве, в полутёмном сарае. Жалко его стало до слёз. Я выпросил у деда кусок мёда в сотах, отнёс ему, и только после этого он успокоился.

Дед сам теперь стал ухаживать за Мудрецом, кормил и поил его, приучал к наморднику, обрезал острые когти, чтоб не царапался.

Каждый вечер теперь дед Кипр надевал на Мудреца кожаный намордник и выводил на прогулку. Сначала дед обучал годовалого Мудреца держать в передних лапах шапку. Мишка упорствовал, бросал шапку на землю и даже хотел изорвать её. Но как только Мудрец удержит шапку в лапах, дед похвалит его, погладит загривок и угостит мёдом. Медведь понял, что хотят от него, и стал подолгу держать шапку в передних лапах.

Бывало, как только в воскресенье на нашем хуторе соберутся парни и девушки, дед выпускал Мудреца во двор и с довольной улыбкой командовал:

— Мудрец, покажи-ка, как дьячок попу на пропитание собирает.

Медведь поднимался на задние лапы, сдёргивал с ближайшего парня шапку и, обходя с ней присутствующих, фыркал и ревел. В шапку летели морковка, яблоки, груши, кусочки сахара. Все уже знали фокусы деда Кипра и проделки его медведя, и каждый, кто шёл на хутор, непременно захватывал в карман то сухарь, то кусок сахару.

Когда шапка наполнялась, дед Кипр отнимал её у медведя, а тот рычал и упрямился. Дед поучал медведя:

— Не забывай, что ты только дьячок.

Мудрец уступал шапку, получал свою долю, садился и начинал чавкать, поглядывая на хохочущих парней и девушек.

Медведь съедал лакомства, и дед Кипр снова ему командовал:

— А теперь покажи, как солдат генералу честь отдаёт.

Мудрец быстро вскакивал и, вытянувшись

Рис В ЧАПЛИ

во весь рост, поднимал переднюю правую лапу, прикладывал к лобастой башке.

„Смирно! — командовал дед. Мудрец стоял на месте точно вкопанный, только его черные ноздри слегка раздувались.

Дед Кипр давал медведю палочку. Мудрец схватывал её лапой, а дед Кипр запевал песню

Не смеяться с этих пор я не могу
Видел сам сегодня утром на лугу

Стоящий в кругу медведь взмахивал палочкой, а молодёжь, зная песенку деда Кипра, звонко подхватывала

Под сосной медведь выплясывал кадриль
То не сказка, это — правда, это — быль

Все разойдутся, а Мудрец всё стоит и дирижирует палочкой.

— Хватит хватит.— скажет дед Кипр

Медведь уходил в сарай, ложился на солому и ел что ему давали парни и девушки.

Когда Мудрец стал совсем взрослым медведем, решили расстаться с ним. Вся семья провожала медведя

Дойдя до озера, все устали и вернулись домой

А я с дедом Кипром повели Мудреца далеко за синие леса и голубые озёра.

В сосновом бору мы сняли ошейник и простились с нашим Мудрецом. Обнял его дед Кипр и заплакал. А я, пока шёл домой, всю дорогу ревел

Да не пропал наш Мудрец, ночью слышим корябает когтями дверь. Дед Кипр вышел из избы, открыл дверь и впустил Мудреца в сарай, на солому.

ПОДРУЖИСЬ С КОРОЛЕВОЙ

Мария ИСАКОВА, трёхкратная чемпионка мира по конькобежному спорту

Передо мною лежит первая в моей жизни спортивная награда, полученная — в ах каком далёком теперь! — 1935 году: «Диплом. Выдан Исаковой Марии Григорьевне, участнице I спартакиады Кировского края, занявшей первое место по...» Нет, не по скоростному бегу на коньках. Чемпионкой я стала по прыжкам в высоту, и было мне тогда 14 лет.

Я почти забыла те соревнования. Но хорошо помню яркий августовский день. Планку, ослепительно белевшую, казалось, в самом небе. За нею мятый влажный песок прыжковой ямы. Я стою перед решающей попыткой и боюсь... Нет, не боюсь! Я сосредоточиваюсь, как сказали бы современные спортсмены. А тогда... все смотрят на меня — кто с улыбкой, кто, наверное, с раздражением: ну прыгай же, чего тянешь!!

Сейчас прыгну! Только поймаю сердцем тот момент, когда... когда... сама не знаю, как это назвать. Но почувствовала его и побежала на планку, крепко ударяя белыми своими тапочками по чёрной гаревой дорожке. Вздохнула глубоко, оттолкнулась. И с этим воздухом внутри взлетела, как на шаре, перемахнула планку... А приземлилась уже чемпионкой края!

В прошлых номерах я уже рассказывала вам, что увлекалась и плаванием и... футболом. И в волейбол играла, и в баскетбол. А всё же лёгкая атлетика тогда была моей главной любовью.

И как же она мне пригодилась потом — в моей долгой спортивной судьбе! Ведь лёгкую атлетику недаром называют королевой спорта. В ней есть всё, основа для любого вида. Она развивает в нас самые естественные способности. Давайте вспомним хотя бы некоторые названия её основных «дисциплин»: спортивная ходьба, бег, прыжки, метание. Ведь это как раз то, что человеку необходимо каждый день. Скажем, не сумеешь через лужу перепрыгнуть — ноги промочишь, простудишься, заболеешь..., ну и так далее.

Другие виды спорта были «придуманы» человеком. Лёгкая атлетика выросла из самой необходимости двигаться. Основа её — быстрая сила, выносливость. И ещё умение преодолевать себя... Слыхали вы о «втором дыхании»!.. Это когда бежишь длинную дистанцию. И кажется, всё, больше уже не можешь. Но побеждаешь себя. И тогда опять приходит лёгкость, и новая сила, и скорость. И победа!

Это всё достигается не сразу. Однако достигается. Тренировкой, упорством... Так лёгкая атлетика воспитывает одно из главнейших качеств человеческого характера — силу воли.

А ещё, когда я наблюдала за лучшими легкоатлетами своего поколения, такими, как Галина Турова, Роберт Люлько, Николай Каракулов, я замечала в них особое вдохновение. Всегда подтянутые, очень стройные, лицо сосредоточенное, но какое-то радостное! У них я училась в каждое движение вкладывать не только силу и скорость, но и мысль.

Мысль!.. Да, обязательно! Без точной работы мысли, без понимания того, что ты делаешь, не может быть ни рекорда, ни победы.

Вот я выхожу на дорожку стадиона. Прежде всего надо сосредоточиться. Иду спокойно. И тут же проверяю, как маечка сидит. Вообще в порядке ли форма... А вон на трибуне мелькнул голубой свитерок, родной динамовский цвет. Решаю: именно для этого свитерка я буду сегодня стараться, покажу всё, на что я способна. Это как в театре: обычно актёр играет словно бы для одного, выбранного им зрителя... И вот я сразу чувствую какую-то особую подтянутость. Начинаю разминку, бегу не спеша. Потом успокаиваю дыхание. Теперь наклоны, растягивающие упражнения. Повороты туловища — разогреваю спину. И вот наконец чувствую, как во мне поднимается радость, ожидание упорной спортивной работы. Настроение боевое.

Я готова к тренировке, а если надо — к старту!

Дорогой мой читатель-октябрёнок! Знакомо ли тебе это чувство готовности к борьбе и победе?

Если нет, ты должен постараться испытать его. Обязательно! Иначе жизнь получается скучнее, беднее, и ты окажешься слабее, неповоротливее своих ровесников.

Если ты ещё не выбрал себе плавание, футбол или какой-нибудь другой вид спорта, советую тебе — лёгкую атлетику!

Комплекс ГТО по лёгкой атлетике

СТУПЕНЬ

«К СТАРТАМ ГОТОВ»

«К стартам готов» называется начальная ступень ГТО для мальчиков и девочек 7—9 лет. Помнишь, какие нормы по лёгкой атлетике входят в неё?

1. Челночный бег — 3 раза по 10 метров — за 10 секунд на серебряный значок и 9 с половиной на золотой; или бег на 30 метров с высокого старта — за 6 и 5 с половиной секунд (здесь и далее: первый результат — на «серебро», второй — на «золото»).
2. Метание теннисного мяча в цель с 6 метров — одно попадание и два из трёх попыток.
3. Кросс без учёта времени — 300 метров и 500 метров.
4. Многоскок: 8 прыжков-шагов с ноги на ногу — 10 с половиной метров и 12 с половиной.
5. Полоса препятствий — 7 баллов и 9 баллов.

Внимание, друзья октябрята, на старт!.. Марш!

Рис. А. СЕМЕНОВА

Собери вазу из осколков
Помоги девочке найти туфлю
КУЧА МАЛА
Рис. Н. ЮРЬЕВОЙ
Сосчитай, сколько зайцев на этой картинке
Чем отличаются эти картинки?
Найди два одинаковых мяча
Какая здесь должна быть фигура?
Помоги муравью найти дорогу домой
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С МАЯ 1924 ГОДА
Главный редактор В. МАТВЕЕВ
Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, С. АЛЕКСЕЕВ, Т. АНДРОСЕНКО, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, И. ЗАРАХОВИЧ (зам. главного редактора), Ю. КАЗАКОВ, М. КОРШУНОВ, В. ЛОСИН, Г. МАКАВЕЕВА, А. МИТЯЕВ, К. ОРЛОВА (ответственный секретарь), Е. РАЧЕВ, В. ЧИЖИКОВ.
Редактор отдела художественного оформления В. ШЛЯНДИН
Технический редактор Г. БЕЛОВА
Сдано в набор 14.06.82. Подписано в печать 05.07.82. Формат 84Х108 1/16. Печать офсетная. Условн. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 4. Тираж 6 000 000 экз. Цена 15 коп. Заказ 873. Адрес редакции журнала «Мурзилка»: 125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., д. 5а. Телефон 285-18-81
Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»
Макет В. ШЛЯНДИНА
Рисунок на обложке М. МИТУРИЧА

ISSN 0132—1943 Цена 15 коп. Индекс 70553